В.А. ВОРОПАЕВ

ПОЛТОРА ВЕКА СПУСТЯ

Гоголь в современном литературоведении

Исполняющаяся в нынешнем 2002 году знаменательная дата – сто пятьдесят лет со дня смерти Николая Васильевича Гоголя – обязывает к серьезному разговору о состоянии дел в отечественном гоголеведении. Обобщая современные подходы и методы в изучении жизни и творчества великого русского писателя, можно с достаточной долей условности выделить два основных направления. Первое – изучение Гоголя с позиций православного мировоззрения (а таково и мировоззрение самого Гоголя). Весьма знаменательным в этой связи является совершающееся на рубеже двухтысячелетия христианства открытие Гоголя как православного писателя-просветителя. Святейший Патриарх Алексий II в одном из выступлений сказал: «Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя как великого духовного писателя России»[1]. Как известно, в литературоведении – и в дореволюционном либеральном, и особенно в советском – творчество и жизнь, и весь внутренний облик Гоголя освещались предвзято. Редко бралось в расчет православное миросозерцание писателя, хотя оно явственно видно в сочинениях, письмах, свидетельствах современников, многочисленных документах. За объяснением причин подобного отношения к Гоголю далеко ходить не надо – тут все диктовала идеология антицерковного характера.

В литературоведении, как, впрочем, и во всех явлениях культуры, необходимо применять один критерий оценки произведений писателя и его личности – православный, взятый из Евангелия. Наиболее показательна в этом отношении – Нагорная проповедь Христа. Даже Лев Толстой, отвергавший Православие, считал ее величайшим из нравственных наставлений, в котором вырисовывается идеальная личность человека, – таким, каким он должен быть. При таком подходе не возникает загадок – все становится на свои места. Применительно к Гоголю можно сказать, что в этом случае его произведения более раскрываются перед читателем, помогают ему осмыслить и свою жизнь, и духовный путь России, крепче утвердиться в вере. Теряют всякое значение домыслы чуждых Гоголю исследователей. Приходится, однако,

отметить, что у многих поколений русских читателей Гоголь был, по сути, отнят. Теперь положение несколько изменилось.

Другое направление – если так можно выразиться, традиционное либеральное литературоведение, опирающееся в основном на западные методы в изучении отечественной словесности без учета ее национальной специфики. Сюда можно отнести фрейдизм, формализм, вульгарно-социологический подход и пр.). Сегодня в гоголеведении особенно агрессивно выступает психоанализ. Пропагандируется то, чему в свое время был вынесен приговор наиболее серьезными исследователями Гоголя. Инициатором распространения фрейдизма в России, как известно, был А.В. Луначарский. Отвечая на этот социальный заказ, профессор И.Д. Ермаков написал книгу «Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя» (1923), которая была недавно переиздана. Такое отношение к Гоголю в свое время единодушно осудили В.В. Виноградов, В.Ф. Переверзев, А. Белый, П.М. Бицилли, К.В. Мочульский. и др. Поэт Владислав Ходасевич в эмиграции вспоминал: «Однажды, в начале революции, в Москве, ко мне пришел мой знакомый психиатр И.Д. Ермаков и предложил мне прослушать его исследование о Гоголе <…> Я был погружен в бурный поток хитроумнейших, но совершенно фантастических натяжек и произвольных умозаключений, стремительно уносивших исследователя в черный омут нелепицы. Таким образом мне довелось быть если не умиленным, то все же первым свидетелем "младенческих забав" русского литературного фрейдизма. В начале двадцатых годов труд Ермакова появился в печати – и весь литературоведческий мир, можно сказать, только ахнул и обомлел, после чего разразился на редкость дружным и заслуженным смехом»[2].

Но дело даже не в том, что фрейдизм был осужден известными учеными-литературоведами, а в том, что он совершенно несостоятелен как наука. Писателя нужно судить по законам, им самим над собой признанным (вспомним слова Пушкина). Гоголь, как и любой классик русской литературы признавал над собой один закон – Божий. По этому закону и нужно судить его.

Итак, давайте посмотрим, что сделано, каковы эти тенденции, как они выражаются в современных исследованиях. Разбор монографий пока оставим в стороне. Рассмотрим сегодняшнее гоголеведение в следующем порядке: публикация новых текстов Гоголя; переиздание недоступных широкому читателю работ о Гоголе (отечественных и эмигрантских); формирование центров изучения Гоголя в памятных местах; появление первого тома нового Академического издания сочинений писателя.

Новая эпоха, открывшая читателям произведения Гоголя последнего периода его жизни, поставила перед исследователями целый ряд проблем как текстологического, так и историко-литературного характера. Многие десятилетия в архивах Киева, Москвы и Санкт-Петербурга невостребованными хранились рукописи Гоголя: тетради его выписок из творений святых отцов и богослужебных книг. Эти материалы (около восемнадцати печатных листов) впервые были изданы в девятитомном собрании сочинений писателя[3]. Опубликованные тексты показывают позднего Гоголя в новом свете и заставляют пересмотреть многие традиционные представления о его духовном облике. Как не раз признавался Гоголь, сочинения его самым непосредственным образом связаны с его духовным миросозерцанием.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи он называет церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для творчества Гоголя.

В свое время профессор Г.П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека) напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности научных занятий писателя. Выписки Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней открывают новое в его духовно-творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Православное направление в изучении литературного наследия Гоголя выразилось также в выходе в свет нового тома его «Духовный прозы» – самого полного на сегодняшний день издания духовно-нравственных сочинений писателя[4]. Здесь собраны и написанные Гоголем молитвы, свидетельствующие о его молитвенном опыте и глубокой воцерковленности его сознания. В приложении помещены выписки Гоголя из творений святых отцов, а также его пометы на принадлежавшей ему Библии.

Нельзя не сказать еще об одном издании – недавно выпущенном И.А. Виноградовым томе «Неизданного Гоголя». На этом следует остановиться.

Сравнительно с текстами других классиков русской литературы XIX века находки автографов Гоголя исключительно редки. Спустя полтора века после смерти писателя публикация таких материалов всегда есть результат долгих поисков, связанных с работой в архивах, тщательным изучением источников, биографии писателя и его окружения. Эта работа предполагает доскональное знание исследовательской литературы и наследия Гоголя, а также понимание проблем, стоящих перед современной литературоведческой наукой. Публикация целой книги гоголевских автографов (около двадцати пяти печатных листов) – факт поистине уникальный. Новые тексты Гоголя найдены, собраны, приведены в порядок, атрибутированы и тщательно прокомментированы. Им предпослана вступительная статья, которая привлекает и своей глубокой серьезностью, и любовью к Гоголю, и живостью изложения. Как не порадоваться успеху гоголеведа, трудами которого составлена эта удивительная по своей значимости и редкости материала книга, – Игоря Виноградова, автора многих научных трудов (в том числе и монографии «Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания», изданной ИМЛИ РАН в 2000 году).

Среди новых текстов, опубликованных Виноградовым, отметим лекции Гоголя по древней и новой истории (беловой автограф), которые он читал в Петербурге в Патриотическом институте и Императорском университете, – они значительно пополняют наше представление о взглядах писателя на мировую историю. Гоголь связывал как бы в одну науку историю и географию. Публикуемые в книге записи показывают, насколько это логично, как обогащается при этом преподаваемый предмет. Вот как понимал Гоголь цель своих лекций: «Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями: вот цель всеобщей Истории! Она должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму»[5].

Особый интерес у читателя могут вызвать материалы из «Книги всякой всячины» Гоголя, публикуемые в данном издании. Множество разнообразных сведений из разных областей современной писателю жизни в России и на Западе, науки, культуры, отчасти истории, находим здесь. Превосходные рисунки Гоголя (тушью) сопровождают описания вооружения и музыкальных инструментов древних

греков. Чертежи Солнечной системы по древним и новейшим представлениям. Более двух десятков рисунков писателя публикуются рядом с его новыми текстами.

Исследователям и ранее было известно о существовании обширного рукописного сборника Гоголя «Сочинения Ломоносова и Державина». Публикация этой рукописи, осуществленная Игорем Виноградовым, поможет глубже понять замысел не завершенной Гоголем «Учебной книги словесности для русского юношества», а также статей о русской поэзии в «Выбранных местах из переписки с друзьями». В других разделах «Неизданного Гоголя» – хозяйственные записи, письма, записки писателя, переписанные им статьи и проповеди, документы (например, о поднесении в 1835 году Императору Николаю I книги «Миргород»). Впервые публикуется авторизованная копия письма святителя Игнатия (Брянчанинова) по поводу «Выбранных мест…», а также отзыв духовного писателя протоиерея Тарасия Серединского о той же книге, – отзыв содержательный, умный. В нем есть и дружеская критика, но в заключение он пишет: «Благодарю автора за искренность и назидательность его писем: от них веет истинно Христианским чувством»[6].

К множеству известных сочинений Гоголя духовного характера прибавлено теперь еще одно, небольшое, но с большим чувством и любовью написанное: «О благодарности», где мотив непрестанного благодарения Бога, проходящий через многие сочинения и письма Гоголя, развернут в соответствии со святоотеческой традицией. «Наша жизнь должна быть, – писал Гоголь, – неумолкаемой песнью постоянного благодарения Богу. Благодарить, благодарить, теряться в благодарности, – это нужно сделать своей пищей, питьем, существованьем, жизнью. Постоянное благодарение высоко возвышает душу, а сердце растворяет всепрощающей любовью ко всем. Оно дает нам высшую силу над нашими силами…»[7].

Повторим, что книги, подобные «Неизданному Гоголю», появляются крайне редко, и они всякий раз есть событие в науке.

Много нового и значительного в духовном облике Гоголя и его творческих интересах открывает недавно вышедшая в свет «Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой»[8]. Надежда Николаевна Шереметева была близким другом Гоголя и его постоянным корреспондентом с 1842 года (их общение прервалось с ее смертью), а также переписывалась с Марией Ивановной Гоголь, матерью писателя. В архиве Шереметевой сохранились копии писем Гоголя к другим адресатам, сделанные рукой Надежды Николаевны. Своими незамысловатыми, исполненными искренней веры и христианской любви письмами Шереметева завоевала уважение не только Гоголя, но

и всех знавших ее современников. Ее письма из Москвы и подмосковного имения под Рузой явились для Гоголя одной из сокровенных духовных нитей, связывавших его с православной Москвой. Писатель Борис Споров, рецензируя данное издание, пишет: «Надежда Николаевна Шереметева не просто корреспондент Гоголя, она переписывалась со многими знаменитостями, и письма ее, наполненные изумительной непосредственностью, не лишены гражданской рассудительности и литературного достоинства. И вчитываясь в письма Шереметевой, начинаешь осознавать, что именно этого давно не хватало гоголевскому литературоведению. Без таких первоисточников затруднительно понять духовную атмосферу Москвы, где еще живо было Православие, где еще умели любить и прощать: собирали средства для бедных, брали на воспитание чужих девиц, прощали зло государственным преступникам…»[9].

В Приложении публикуются «Материалы по изучению масонского и декабристского движения, полученные Гоголем от декабриста И.А. Фонвизина и Н.Н. Шереметевой», включающие выписки из неизданных сочинений графа М.М. Сперанского, а также переписка Шереметевой с князем И.С. Гагариным, перешедшим в 1842 году в католичество. Все эти документы ярко иллюстрирует одну из малоизученных страниц религиозной жизни России в первой половине XIX века.

Гоголь был знаком как с некоторыми декабристами, в частности, с И.А. Фонвизиным и Г.С. Батеньковым, пытавшимися оказать на него соответствующее (масонское) влияние, так и с князем И.С. Гагариным. Не разделяя их образа мыслей (отчасти схожего с идеями известного зальцбруннского письма В.Г. Белинского), Гоголь не уходил от общения с ними, движимый христианским чувством сострадания. Однако одновременно с этим Гоголь испытывал к декабристскому движению и его идейной сущности профессиональный интерес как писатель, что нашло отражение в реминисценциях как во втором (в большей степени), так и в первом томе поэмы «Мертвые души».

В издании представлены материалы, открывающие новые грани восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это прежде всего письма Надежды Николаевны к Гоголю, в которых она высказывает собственное суждение о книге, а также сообщает мнения других. Шереметева была одной из немногих, разделявших умонастроение Гоголя в 1840-е годы, а потому и последняя его книга оказалась ей особенно близка.

Важным достижением современного литературоведения следует признать переиздание малодоступных исследований, посвященных жизни и творчеству Гоголя.

Из всего многообразия литературы о Гоголе, созданной русскими эмигрантами первой волны, отметим как наиболее значимые книги К.В. Мочульского «Духовный путь Гоголя» (1934), профессора протопресвитера В.В. Зеньковского «Н.В. Гоголь» (1961) и В.В. Набокова «Николай Гоголь» (1944). Наряду с названными трудами есть ряд менее объемных сочинений, которые также внесли свой вклад в изучение биографии и творчества великого русского писателя. Это работы С.Л. Франка, протоиерея Г.В. Флоровского, И.А. Ильина, Д.М. Чижевского, П.М. Бицилли, В.Н. Ильина. Б.К. Зайцева, В.Ф. Ходасевича, А.М. Ремизова и др.[10]. Вместе с тем следует отметить вторичность и поверхностность большинства эмигрантских работ о Гоголе. Почти все писавшие о Гоголе в Русском зарубежье, как одним из важнейших источников пользовались книгой В.В. Вересаева «Гоголь в жизни» (1933), которая при всех своих достоинствах не содержит документов в необходимой полноте.

В последнее время образовались Гоголевские научные центры – в Нежине, Санкт-Петербурге и Москве. Так, при Нежинском государственном педагогическом университете имени Николая Гоголя создан Гоголевский научно-методический центр, который с 1996 года выпускает «Гоголеведческие студии» – единственное на сегодняшний день специальное периодическое издание по проблемам гоголеведения. В семи выпусках издания в достаточной мере отражена картина современного литературоведения. Последний, восьмой выпуск, только что вышедший из печати, представляет собой «Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820 – 1828)». Это значительное достижение. Создание Гоголевской летописи – одна из насущных задач гоголеведения. К безусловным достоинствам издания стоит отнести библиографические публикации.

В Санкт-Петербурге при кафедре русской литературы Российского государственного педагогического университетата имени А.И. Герцена сформировалась группа исследователей, выпустивших несколько гоголевских сборников.

И, наконец, в Москве на базе Городской библиотеки имени Н.В. Гоголя, в стенах, где жил и умер Гоголь, начинает развиваться научная деятельность. Мы с вами присутствуем на Вторых Гоголевских чтениях. По материалам Первых чтений вышел сборник, презентация которого состоится сегодня. Мне приходилось выступать в печати с предложением создать в библиотеке не только музей, но Гоголевский научно-исследовательский центр – может быть, Гоголевский Дом (по аналогии с Пушкинским Домом). Здесь можно было бы вести большую работу – приглашать чтецов, ставить

гоголевские пьесы, собирать картины, рисунки, пополнять библиотеку. Пусть бы сюда стекалось все, что относится к имени Гоголя. Пригодился бы центру и второй флигель.

Вышел в свет первый том нового Академического издания собрания сочинений Гоголя, куда вошли «Вечера на хуторе близ Диканьки». Об этом важном событии в гоголеведении следует сказать особо. Нельзя не заметить, что авторы комментариев к ранним произведениям Гоголя неправомерно выводят поэтический мир гоголевских повестей из немецкого романтизма, где человек как бы не может противостоять мировому злу. При всей яркости и художественном богатстве первых произведений Гоголя в них присутствует твердый и ясный взгляд на силы зла – взгляд православного христианина. Они у Гоголя неизбежно оказываются попранными и побежденными Божественной силой, подобно тому, как попраны и побеждены бывают бесы на православной иконе, какими бы страшными они там ни были изображены. Змей тут пронзен копьем святого великомученика Георгия Победоносца.

Если же герои Гоголя оказываются подчас устрашены и даже побеждены бесовскими кознями, то это свидетельствует лишь о том, что в них самих был тот духовный изъян, который открыл к ним доступ и дал возможность так дерзко хозяйничать в их душах бесовской силе. Человеческие страсти и пороки – вот причина разгула и временной победы темных сил. Об этом тонко (так, что совершенно не видят этого иные современные ученые-литературоведы), но твердо и ясно говорят нам произведения молодого Гоголя.

Комментаторы академического издания придерживаются противоположной точки зрения. Тут можно констатировать противоположность мировоззрения Гоголя и наших современников. У Гоголя Бог всегда сильнее сатаны. Об этом свидетельствуют многочисленные эпизоды его ранних произведений, в которых крестное знамение разрушает все дьявольские козни («Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством»). И это вовсе не фольклорный мотив, как считают комментаторы нового академического издания. Да, я не оговорился, – прямо так и написано, что крестное знамение – это «типичный фольклорный мотив, характерный также и для вертепного театра»[11]. Для современных комментаторов Гоголя не только бесовщина – фольклорный мотив, но и крестное знамение, да и сила Божия. Для Гоголя же, как и для каждого православного человека, – это самая объективная духовная реальность. Ссылки исследователей на художника Иеронима Босха, на немецкий романтизм необоснованны.

Фольклорные и этнографические реалии, использованные Гоголем с таким мастерством в его ранних произведениях, выполняют роль притчи, иносказания, с помощью которых писатель говорит нам о том же, о чем будет сказано в «Ревизоре» и «Мертвых душах», – то есть о добре и зле, о силе Божией и силах тьмы, поле битвы которых – сердце человеческое (как скажет об этом Достоевский). По Гоголю, как это и есть в православной аскетике, человек является участником этой битвы; исход ее зависит от него. «Мы призваны в мир на битву, а не на праздник, – говорил Гоголь, – праздновать победу мы будем на том свете»[12].

Между тем, современные ученые очень часто хотят показать не то, как и что писал Гоголь, а то, как они – ученые – пишут о Гоголе. Вместо того, чтобы идти за писателем, умалив свою личность перед громадностью его таланта, они используют его творчество как отправную точку для демонстрации собственных знаний – будь то история, искусство, этнография или мифология. Например, схемы, выработанные В.Я. Проппом для народной волшебной сказки, механически накладываются на гоголевские произведения. Издание изобилует оскорбительными для памяти Гоголя фрейдистскими комментариями, которые я не считаю возможным даже цитировать.

Литературоведение, к сожалению, все более лишается нравственного содержания. В этой связи скажем несколько слов о недавно вышедшей книге, примером для которой послужило упомянутое выше сочинение русского фрейдиста И.Д. Ермакова. В книге господствует смешение разных направлений и методов (от психоанализа до сравнительно-исторического). В ней можно найти заголовки такого типа: «Николаевская монархия – десакрализация одического пространства» или «Тождество природы и культуры как двух ипостасей еды»[13]. Вот образец стиля автора: «Переплетение пространства химеры с физическим пространством земли-трясины позволяет черту проникать в человеческое естество в качестве невидимого двойника-заместителя»[14]. Книга заявлена как научное издание, но в ней нет научного содержания. Вот еще один пример: «Неудержимое вторжение природы в социум рождает тупик в отношениях природы и культуры. Единицы двух классов утратили прежнюю "бифункциональность"; вместо слияния природы и культуры происходит их перепутывание»[15].

Процитируем автора другой научной монографии о Гоголе: «Спасение достигается в семантизированном и телеологизированном пространственном движении. Нижнее и небесное пространства устремлены к слиянию в зеркале реки, над которой встречаются герои **СЯ** на пути к ярмарке. Дорога как таковая или

изофункциональная ей пляска обращает блокированные дьяволом части мира к воссоединению; финальная свадьба героев – синекдоха этого обновленного брака земли с небом. Превращения такого рода изофункциональны уничтожению персонифицируемых дьяволом пустот, разрывов, разделяющих героев; а он, со своей стороны, напротив, чинит героям всевозможные дорожные препятствия (**НПР**). Эта негативная роль статики настолько сильна, что остановка или даже замедление движения сами по себе будут инкриминироваться демону: "Вишь, как растянул, вражий сын, сатана, дорогу!"»[16].

Здесь только одна фраза звучит по-русски – цитата из Гоголя. Научность подобного стиля гипертрофирована, выглядит почти пародийно.

Вот еще одна новая книга, выпущенная издательством «Терра» под претенциозным названием «Загадочный Гоголь». Автор начинает ее словами: «Истины не существует, потому что существуют разные истины»[17]. Книга представляет собой компиляцию из мемуаров, произведений и писем Гоголя, а также цитат из работ В.В. Розанова, В.В. Набокова, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, И.П. Золотусского и др. Получается этакий литературоведческий винегрет. И правда, и ложь – все перемешано, все сплетни и клеветы собраны. Книга оставляет тяжелое впечатление. У автора нет своего голоса, а там, где он появляется, – там поверхностность и пошлость.

В заключение скажем об одном распространенном заблуждении. Будто бы у Гоголя была душевная болезнь, приведшая его к смерти. Этот ложный взгляд, имевший место среди современников Гоголя и не раз опровергнутый, сегодня снова получает как бы новую жизнь. Переиздана книга доктора В.Ф. Чижа «Болезнь Н.В. Гоголя», опубликовано сочинение профессора Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни», в котором одна из глав посвящена Гоголю. Есть уже несколько его изданий. На основании недостоверных сведений, взятых из третьих рук, ученый констатирует у Гоголя наличие душевной болезни. Не буду останавливаться на этом. В «Сретенском альманахе», вышедшем недавно в издательстве Сретенского монастыря, напечатана моя статья «О причинах смерти Николая Гоголя», где дано опровержение подобных домыслов.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что в отечественном гоголеведении существуют как достижения, так и негативные тенденции. Наиболее значимые публикации связаны с православным литературоведческим подходом к изучению жизни и творчества великого русского писателя, память которого мы отмечаем в этом

году. С другой стороны, очевидны несостоятельность предвзятого отношения к Гоголю, умозрительность и откровенная псевдонаучность методов изучения, применяемых к его творчеству.

В добавление к нашему докладу напомним, что на могиле Гоголя до сих пор нет креста. В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь просил не ставить ему никакого памятника: «Кто после моей смерти вырастет выше духом, нежели как был при жизни моей, тот покажет, что он, точно, любил меня и был мне другом, и сим только воздвигнет мне памятник»[18]. Крест и памятник – вещи разные. Долгое время на могиле Гоголя в Свято-Даниловом монастыре стоял только один православный крест, но со временем был сооружен надгробный памятник. В 1931 году останки Гоголя были перенесены на Новодевичье кладбище. На могиле поставили другой памятник – работы скульптора Н. Томского. Креста нет. Это несправедливость к покойному, который был православным человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1] *Воропаев В.* «Мы все работаем у одного Хозяина»: Н.В. Гоголь в Московской Духовной Академии // Встреча. 1998. № 2 (8). С. 41.

[2] Цит. по: *Ермаков И.Д.* Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М., 1999. С. 7.

[3] См.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. /Сост., подгот. текстов и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. Т. 8. М., 1994.

[4] См.: *Гоголь Н.В.* Духовная проза /Сост., вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М., 2001.

[5] Неизданный Гоголь. Издание подготовил И.А. Виноградов. М., 2001. С. 88.

[6] Там же. С. 425.

[7] Там же. С. 166 – 167.

[8] Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой /Вступ. и сопроводит. статьи И.А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М., 2001.

[9] *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Москва. 2002. № 7. С.

[10] См.: *Воропаев В.А.* Гоголь Николай Васильевич // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918 – 1940). Т. 4. Русское зарубежье и всемирная литература Ч. 1. М., 2001. С. 200 – 244. Гоголиана русской эмиграции обследована далеко не полностью. Укажем здесь

на работы *Д.А. Моисеева* «Н.В. Гоголь как писатель-христианин в оценке Русского зарубежья» (Духовный мир. Сергиев-Посад, 1996. Вып. 3. С. 33 – 88) и *А.С. Евтихиевой* «Гоголь Русского Зарубежья» (М., 2001).

[11] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1 /Подгот. текстов и коммент. И.Ю. Винницкого, Е.Е. Дмитриевой, Ю.В. Манна, К.Ю. Рогова. М., 2001. С. 786.

[12] *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. С. 285.

[13] *Иваницкий А.И.* Гоголь: Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. М., 2000. С. 27, 79.

[14] Там же. С. 127.

[15] Там же. С. 111.

[16] *Вайскопф. М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. Без м. изд., 1993. С. 61.

[17] *Гарин И.И.* Загадочный Гоголь. М., 2002. С. 3.

[18] *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. С. 10.